

ПРОЦЕССЫ СЛИЯНИЯ ГЛАСНЫХ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ОТ ОДНОСЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЧЕЧЕНСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ, А ТАКЖЕ В ДИАЛЕКТАХ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

Ирезиев С. С.

Чеченский государственный университет, Грозный, Россия (364907, Грозный, ул. Шерипова, 32), e-mail: mail@cnesu.ru

Настоящая статья является частью специальной работы, посвященной подробному описанию фонетических особенностей при образовании временных форм в чеченском и ингушском языках. В статье исследуются процессы слияния гласных при образовании временных форм от односложных глаголов в чеченском, ингушском языках и диалектах чеченского языка в сравнительно-историческом плане, опираясь на работы известных исследователей фонетического строя нахских языков и диалектов чеченского языка – Д. С. Имнайшвили, А. Д. Тимаева, И. Г. Арсаханова и др. На конкретном фактическом материале подробно анализируются процессы слияния гласных в рассматриваемых языках и диалектах чеченского языка, выделяя их общие и отличительные черты. Особый интерес представляет процесс слияния гласных при образовании первой группы времен от односложных глаголов с корневым «*иѣ*», представленный в ингушском языке и диалектах чеченского языка, который детально проанализирован автором данной работы.

Ключевые слова: вокализм чеченского языка, односложные глаголы, дифтонг, монофтонг, краткий гласный, долгий гласный, ингушский язык, диалект.

THE PROCESSES OF CONFLUENCES VOWELS IN MAKING OF THE TENSE FORMS FROM MONOSYLLABIC VERBS IN CHECHEN AND INGUSH LANGUAGES AND IN CHECHEN DIALECTS

Ireziev S. S.

Chechen State University, Grozny, Russia (364907, Grozny, street Sheripova, 32), e-mail: mail@cnesu.ru

This article is a part of special work which is devoted to detailed description of phonetic characteristics in making of the tense forms in Chechen and Ingush languages. In the article are researched the processes of confluences vowels in making of the tense forms from monosyllabic verbs in Chechen, Ingush languages and Chechen dialects in comparative-historical view relying on the works of famous researchers of phonetic system of nah languages and Chechen dialects as D. I. Imnaishvili, A. D. Timaev, I. G. Arsahanov etc. The processes of confluences vowels are analysed on the concrete factual material in reviewing languages and Chechen dialects marking out theirs common and distinctive features. More interesting is the process of confluence vowels in making the first tense group form monosyllabic verbs with root “*иѣ*”, which is given in Ingush language and Chechen dialects which is detailed analyzed by the author of this work.

Key words: vocalism of Chechen language, monosyllabic verbs, diphthong, monophthong, short vowel, long vowel, Ingush language, dialect.

Фонетические изменения гласных и согласных звуков в структуре глагольных и именных основ чеченского и ингушского языков и диалектов чеченского языка подробно описаны в ряде трудов ученых-кавказоведов. Несмотря на то, что изучение фонетического строя нахских языков и диалектов чеченского языка в отечественной и зарубежной науке имеет давние традиции и восходит к именам таких ученых, как П. К. Услар, А. Шифнер, А. Sommerfeldt, Д. Д. Мальсагов, Ю. Д. Дешериев, Д. С. Имнайшвили, А. Д. Тимаев, А. Г. Магомедов и др., многие вопросы по данной проблеме, на наш взгляд, требуют своего дальнейшего исследования.

Вопрос об особенностях фонетических процессов при образовании временных форм от односложных глаголов в сравнительном плане в рассматриваемых языках не был до настоящего времени объектом специального исследования, хотя в своих трудах вышеуказанные авторы уделяют должное внимание данному вопросу.

Настоящая статья является частью специальной работы, посвященной подробному описанию фонетических особенностей при образовании временных форм в чеченском и ингушском языках.

Из фонетических процессов гласных при образовании временных форм от односложных глаголов в чеченском и ингушском языках обращает на себя внимание, в первую очередь, контактная ассимиляция (слияние) гласных. Проф. А. Д. Тимаев отмечает, что при встрече двух полных гласных образуются качественно новые – краткие и длинные монофтонги и дифтонги (долгие и краткие, нисходящие и восходящие) [8], т. е. слияние гласных, как и другие фонетические процессы, способствовало усложнению системы гласных чеченского и ингушского языков и диалектов чеченского языка.

Процесс контактной ассимиляции широко представлен при образовании первой и второй групп времён от односложных глаголов в рассматриваемых языках и диалектах чеченского языка.

При образовании первой группы времён от односложных глаголов непосредственно аффикс настоящего времени *-у* сливается с гласной основы инфинитива «*a*» как в чеченском, так и в ингушском [таблица 1]:

Таблица 1

Первая группа времён

чеч. яз.	инг. яз.
инф. <i>да^h</i> «делать»	<i>да</i>
наст.вр. <i>дуо←да+у</i>	<i>дуо (ду)←да+у</i>
прош. несов. <i>дубра←да+у-ра</i>	<i>дубра←да+у-ра</i>
прич. н.вр. <i>дие^h←да+e^h</i>	<i>ду</i>
дееп. н.вр. <i>диеш←да+e-ш</i>	<i>диеш←да+e-ш</i>

Как видим, в приведенных примерах при образовании причастия и деепричастия настоящего времени *дие^h*, *диеш* дифтонг *ие* есть результат слияния краткого гласного основы инфинитива «*a*» с аффиксом *-e*. Однако наблюдаются и случаи, когда при образовании причастия и деепричастия настоящего времени в обоих языках имеет место сужение дифтонга *ю* (*ю→у*), хотя Р. А. Саламова в своей работе «Нохчийн меттан фонетика» предполагает, что вместо *a^h* исхода инфинитива прибавляется *y^h* [6] [таблица 2]:

Таблица 2

Первая группа времён

чеч. яз.	инг. яз.
инф. <i>га^h</i> «видеть»	<i>га</i>
наст.вр. <i>гуо←га+у</i>	<i>гуо (гу)←га+у</i>
прош. несов. <i>губ̄ра←га+у-ра</i>	<i>губ̄ра←га+у-ра</i>
прич. н.вр. <i>гу^h←гуо^h←га+у^h</i>	<i>гу←гуо←га+у</i>
дееп. н.вр. <i>гуш←га+у-ш</i>	<i>гуш←га+у-ш</i>

Надо отметить, что исследователи вайнахских языков форму настоящего времени данных глаголов в ингушском языке орфографируют по-разному: Д. Д. Мальсагов через *у* [4], а Р. А. Долакова, как и в чеченском через *уо* [3] (ср.: прошедшее несовершенное время – *гуора, дуора*).

При образовании же первой группы времён от односложных глаголов и в чеченском и в ингушском языках долгий *ā* основы инфинитива сливается с аффиксом настоящего времени *у* и даёт *ow* (*ā+у→aw→ow*) [таблица 3]:

Таблица 3

Первая группа времён

чеч. яз.	инг. яз.
инф. <i>тā^h</i> «мириться»	<i>тā</i>
наст.вр. <i>тоw←тā+у</i>	<i>тоw←тā+у</i>
прош. несов. <i>тоwра←тā+у-ра</i>	<i>тоwр←тā+у-р</i>
прич. н.вр. <i>тоw^h←тā+у^h</i>	<i>тоw←тā+у</i>
дееп. н.вр. <i>тоwш←тā+у-ш</i>	<i>тоwш←тā+у-ш</i>
<i>лā^h</i> «терпеть»	<i>лā</i>
наст.вр. <i>лоw←лā+у</i>	<i>лоw←лā+у</i>
прош. несов. <i>лоwра←лā+у-ра</i>	<i>лоwр←лā+у-р</i>
прич. н.вр. <i>лоw^h←лā+у^h</i>	<i>лоw←лā+у</i>
дееп. н.вр. <i>лоwш←лā+у-ш</i>	<i>лоwш←лā+у-ш</i>

Сюда относятся и глаголы *дā^h* «терять», *хъā^h* «тронуться»

Обращает на себя внимание тот факт, что, когда в ингушском языке глагол *га* используется в значении «задержаться», то при образовании первой группы времён аффикс -*у* сливается с гласной основы инфинитива «*a*», и это даёт дифтонг *ow* (*a+у→ow*):

инф. *га* «задержаться»; наст.вр. *gow←га+у*; прош. несов. *gowр←га+у-р*;

прич. н.вр. *gow←га+у^h*; дееп. н.вр. *gowш←га+у-ш*

Но при образовании второй группы времён в обоих языках, как и в диалектах чеченского, аффикс *и* только что прошедшего времени или *и* из состава аффикса группы

прошедшего времени сливается с гласной основы инфинитива *ā* и даёт *ай* (*ā+u→ай*):
[таблица 4]:

Таблица 4

Вторая группа времён

чеч. яз.	инг. яз
инф. <i>tā^h</i> «мириться»	<i>tā</i>
т.ч.прош. вр. <i>tai^h←tā+u^h</i>	-----
прош.очев. вр. <i>tai^hra←tā+u-ra</i>	<i>tai^hr←tā+u-r</i>
прош. неопр. <i>tai^hna←tā+u-na</i>	<i>tai^hna^h←tā+u-na^h</i>
давнопрош. <i>tai^hni^hra←tā+u-ni^hra</i>	<i>tai^hna^hdar←tā+u-na-^har</i>

Долгий *ā* основы инфинитива приведенных глаголов вторичного происхождения (мы имеем в виду выпадение согласного в инлауте основ) приводит к появлению долгого гласного *ā* (ср.: чеч., инг.: *tā^h* «мириться»←та+а←*ta^hga^h*; бац. *ta^hga^h*; аккин. д. *tawa^h*, *law^ha^h*).

Отмечаем, что в результате контактной ассимиляции в чеченском языке при образовании форм настоящего и форм прошедшего несовершенного времён от односложных глаголов с гласной основы инфинитива *iē* последний под влиянием аффиксального *-y* переходит в *yō̄b*, т.е. дифтонг *iē* сливается с аффиксом настоящего времени *y* и даёт *yō̄b* (*iē+y→yō̄b*):

инф. <i>diē^h</i> «убить, сеять»	<i>liē^h</i> «говорить»
наст.вр. <i>dyō̄b←diē+y</i>	<i>lyō̄b←liē+y</i>
прош. несов. <i>dyō̄bra←diē+y-ra</i>	<i>lyō̄bra←liē+y-ra</i>
инф. <i>xyiē^h</i> «месить»	<i>tyiē^h</i> «успокоиться»
наст.вр. <i>xyūō̄b←xyiē+y</i>	<i>tyūō̄b←tyiē+y</i>
прош. несов. <i>xyūō̄bra←xyiē+y-ra</i>	<i>tyūō̄bra←tyiē+y-ra</i>

При образовании причастных и деепричастных форм от приведенных глаголов дифтонг *iē* переходит в *y̆b*, т.е. имеет место процесс лабиализации с сужением дифтонга *iē* (*iē+y→y̆b*). Это, скорее всего, связано с тем, что гласный *y*, согласно мнению проф. А. Д. Тимаева [8], в закрытом слоге более устойчив:

инф. <i>liē^h</i> «говорить»	<i>tyiē^h</i> «успокоиться»
прич. н.вр. <i>ly̆b^h←liē+y^h</i>	<i>ty̆b^h←tyiē+y^h</i>
дееп. н.вр. <i>lyūsh←liē+y-sh</i>	<i>tyūsh←tyiē+y-sh</i>
инф. <i>xyiē^h</i> «месить»	<i>xyiē^h</i> «месить»
прич. н.вр. <i>xy̆b^h←xyiē+y^h</i>	<i>xy̆b^h←xyiē+y^h</i>
дееп. н.вр. <i>xyūsh←xyiē+y-sh</i>	<i>xyūsh←xyiē+y-sh</i>

Соответствующие ингушские формы представляют несколько иную картину:

инф. <i>диē</i> «убить», «сеять»	наст.вр. <i>дуw</i>
инф. <i>хьиē</i> «месить»	наст.вр. <i>хьуw</i>
инф. <i>лиē</i> «говорить»	наст.вр. <i>луw</i>
инф. <i>тиē</i> «успокоиться»	наст.вр. <i>туw</i>

При рассмотрении приведенных форм в ингушском языке Д. Д. Мальсагов [4], Р. А. Долакова [3] и авторы учебника современного ингушского языка [2] отмечают, что в ингушском языке от односложных глаголов с корневым «*иē*» формы настоящего времени образуются переходом дифтонга «*иē*» в «*ув*», не раскрывая природы происходящих фонетических процессов.

При анализе данных глаголов в чеченском и ингушском языках и диалектах чеченского языка Д. С. Имнайшвили подчеркивает, что *w*←*y* – суффикс настоящего времени [9].

В ингушском языке этот процесс протекает несколько иначе, чем в чеченском.

Данные бацбийского языка и диалектов чеченского языка (в бацб.яз., акк. диал.: инф. *диwа^h* «убить, сеять», *лиwа^h* «говорить», *хьиwа^h* «месить»); чеб.диал. наст. вр.: *лиw*, *тиw*, *диw*; хилд.: *лиw*, *тиw*, *диw*; шар. д.: *лī*, *тī*, *дī*; орстх. г. *тū*, *лū*, *дū*; шат. г. *тиē*, *диē*), которые являются более архаичными, позволяют сделать весьма важный вывод.

В ингушском языке, как и в некоторых диалектах чеченского, формы настоящего времени образуются не от основы инфинитива *лиē*, *диē*, *хьиē*, *тиē*, а от более архаичных основ: *лаwа*→*лов*→*луw*, *даwа*→*дов*→*дуw*, *таwа*→*тов*→*туw*. Под влиянием губно-губного *w*: *aw*→*ow*→*yw*, в аналогичных случаях, как отмечалось выше, в чеченском языке *ие+y*→*уоб*, а в ингушском языке, по нашим наблюдениям, гласный *-y* (аффикс настоящего времени) теряется, как и в диалектах чеченского языка (ср.: шатойский говор: *тиē^h* «успокоиться»; наст.вр. *тиē*←*тиē-у*, *диē^h* «убить, сеять»; наст.вр. *диē*←*диē-у*.) В шаройском диалекте в результате ослабления сонант *w* перешел в *й* *ий*→*йī*: *лī*←*лий*←*лиw*, *тī*←*тий*←*тиw*, *дī*←*дий*←*диw*. То же явление наблюдается в структуре имён существительных (*w*→*й*): чеч. яз.: *дуй* «клятва», *нуй* «веник», *гIуй* «засов»; инг. яз. *дуw*, *нуw*, *гIуw*; аккин. диал. *диw*, *ниw*, *гIиw*. В орстхойском говоре, как это было замечено проф. М. Р. Овхадовым, в форме настоящего времени приведенных глаголов имеет место следующий процесс *yw*→*y*: *тū*←*туw*, *лū*←*луw*, *дū*←*дуw* [5], что в чеченском языке можно считать закономерным. Ср.: чеч. *тūса^h* «ковать», *дūха^h* «одеть»; инг. *туwса*, *дуwха*; имен. сущест. чеч. *гў* «холм, курган»; инг. *гуw*; чеч. *шў* «холм, возвышенность»; инг. *шuw*; чеч. *гIў* «колодец»; инг. *гIуw*; чеч *йў* «шило»; инг. *йuw*; чеч *хьў* «воспаление раны»; инг. *хьuw*.

Что же касается дифтонга *иē* основы инфинитива *диē^h*, *хьиē^h*, *лиē^h*, *тиē^h*, то это, на наш взгляд, есть результат слияния древнейшего гласного *a* с сонантом *й* (*a+й*→*иē*): *лиē^h*←*ла-й*←*ла-w* (в нашем случае *й*- итог дальнейшего ослабления сонанта *w*, как об этом

свидетельствуют данные бацбийского языка и аккинского диалекта, которые сохранили более архаичные формы *диwa^h* «убить, сеять», *лиwa^h* «говорить», *хьиwa^h* «месить»). В пользу данного положения свидетельствует и мнение проф. А. Д. Тимаева: «В чеченском и ингушском языках в структуре глагольных основ *ие, ow, ī* (в ингушском *uw*) могут быть получены лишь при слиянии древнейшего гласного основы *a* с сонантами *w* (*aw*→*ow*, где *w*←*б* показатель множественности) и *й* (результат дальнейшего ослабления сонанта *w*) [8] [таблица 5]:

Таблица 5

Образование множественного числа и многократной формы глаголов

чеч. яз.	инг. яз.	бац. яз.
<i>хъажа^h</i> «смотреть»	<i>хъажа</i>	<i>хъачIa^h</i>
<i>хъиēжа^h</i> ← <i>хъайжа</i> ← <i>хъawжа</i> ← <i>хъабжа</i>	<i>хъиēжа</i> ← <i>хъайжа</i> ← <i>хъawжа</i> ← <i>хъабжа</i>	<i>хъечIa^h</i>
<i>хъowca^h</i> ← <i>хъawca</i> ← <i>хъабca</i>	<i>хъowca^h</i> ← <i>хъawca</i> ← <i>хъабca</i>	<i>хъанIca^h</i>
<i>хъийca^h</i> ← <i>хъайca</i> ← <i>хъawca</i> ← <i>хъабca</i>	<i>хъуwca</i> ← <i>хъowca</i> ← <i>хъawca</i> ← <i>хъабca</i>	<i>хъенIca^h</i>

В чеченском и ингушском языках при образовании второй группы времён от вышеприведенных глаголов аффикс только что прошедшего времени *и* или *и* из состава аффиксов прошедших времён сливается с гласной основы инфинитива *иē* и даёт долгий *ī* (*иē+и*→*ī*): [таблица 6]:

Таблица 6

Вторая группа времён

чеч. яз.	инг. яз.
инф. <i>диē^h</i> «убить, сеять»	<i>диē</i>
т.ч.прош. вр. <i>дй^h</i> ← <i>диē+и^h</i>	-----
прош.очев. вр. <i>дйра</i> ← <i>диē+и-ра</i>	<i>дйра</i> ← <i>диē+и-ра</i>
прош. неопр. <i>дйна</i> ← <i>диē+и-на</i>	<i>дйнад</i> ← <i>диē+и-над</i>
давнопрош. <i>дйниēра</i> ← <i>диē+и-ниēра</i>	<i>дйнадар</i> ← <i>диē+и-надар</i>
инф. <i>хьиē^h</i> «месить»	<i>хьиē</i>
т.ч.прош. вр. <i>хй^h</i> ← <i>хьиē+и^h</i>	-----
прош.очев. вр. <i>хйра</i> ← <i>хьиē+и-ра</i>	<i>хйра</i> ← <i>хьиē+и-ра</i>
прош. неопр. <i>хйна</i> ← <i>хьиē+и-на</i>	<i>хйнад</i> ← <i>хьиē+и-над</i>
давнопрош. <i>хйниēра</i> ← <i>хьиē+и-ниēра</i>	<i>хйнадар</i> ← <i>хьиē+и-надар</i>

В ряде случаев чеченский и ингушский языки и диалекты чеченского языка проявляют некоторое своеобразие в фонетических процессах при образовании временных

форм, связанные с выпадением ларингального абруптивного согласного **ъ** исхода основы инфинитива в ингушском и в некоторых диалектах чеченского языка.

Вследствие этого процесса при образовании первой и второй групп времён вместо характерной для чеченского языка дистанционной ассимиляции в ингушском языке и некоторых диалектах чеченского происходит контактная ассимиляция (слияние гласных).

В ингушском языке и диалектах чеченского при образовании первой группы времён с долгим **ā** основы инфинитива последний сливается с аффиксом настоящего времени **-у** (**ā+у→ow**): [таблица 7]:

Таблица 7

Первая группа времён

чеч. яз.	ИНГ.ЯЗ.
инф. <i>хаъа^h</i> «знать»	<i>xā←ха+a←хаъа</i>
наст. вр. <i>хаъа←хаъ-е</i>	<i>xow←xā+у</i>
прош. несов. <i>хаъара←хаъ-е-ра</i>	<i>xowpa←xā+у-ра</i>
прич. н.вр. <i>хуъу^h←хаъ-у^h</i>	<i>xow←xā+у</i>
дееп. н.вр. <i>хуъуш←хаъ-у-ш</i>	<i>xowsh←xā+у-ш</i>
инф. <i>лаъа^h</i> «хотеть, желать»	<i>lā←ла+a←лаъа</i>
наст. вр. <i>лаъа←лаъ-е</i>	<i>low←lā+у</i>
прош. несов. <i>лаъара←лаъ-е-ра</i>	<i>lowpa←lā+у-ра</i>
прич. н.вр. <i>луъу^h←лаъ-у^h</i>	<i>low←lā+у</i>
дееп. н.вр. <i>луъуш←лаъ-у-ш</i>	<i>lowsh←lā+у-ш</i>

В мелхинском говоре, как и в ингушском языке, при образовании первой группы времён **ā+у** даёт **ow** (**ā+у→ow**): *xow←xā+у*, *low←lā+у*, а в шатойском говоре, наоборот, **ā+е** даёт **āь** (**ā+е→āь**): *xāь←xā+е*, *lāь←lā+е*, но в то же время при образовании причастных и деепричастных форм **ā+у** имеем **ow** (**ā+у→ow**) причастие настоящего времени: *xow^h←xā+у^h*; деепричастие настоящего времени: *xowsh←xā+у-ш*.

Необходимо отметить, что в данном случае в чеберлойском диалекте, как и в чеченском литературном языке, также имеет место палатализация (регрессивно-дистанционная ассимиляция): *хеъе←хаъ-е*, *леъе←лаъ-е*. По И. Г. Арсаханову, чеберлойский диалект является единственным из всех диалектов чеченского языка, который сумел последовательно отстоять свой вокализм от влияния т. н. вторичного чередования [1]. Это, скорее всего, связано с тем, что в данном процессе не последнюю роль играет соседство гласного **а** с ларингальным абруптивом **ъ**.

В ингушском языке и некоторых диалектах чеченского при образовании второй группы времён долгий $\bar{a}$ основы инфинитива сливается с аффиксом прошедшего времени $-u$ ($\bar{a}+u \rightarrow ай$): [таблица 8]:

Таблица 8

Вторая группа времён

чеч. яз.	инг.яз.
инф. $хаъа^h$ «знать»	$х\bar{a} \leftarrow ха+a \leftarrow хаъа$
т.ч.прош. вр. $хиъи^h \leftarrow хаъ-и^h$	-----
прош.очев. вр. $хиъира \leftarrow хаъ-и-ра$	$хайра \leftarrow х\bar{a}+и-ра$
прош. неопр. $хиъна \leftarrow хаъ-и-на$	$хайна-д \leftarrow х\bar{a}+и-над$
давнопрош. $хиъниёра \leftarrow хаъ-и-ниёра$	$хайнадар \leftarrow х\bar{a}+и-надар$
инф. $лаъа^h$ «хотеть, желать»	$л\bar{a} \leftarrow ла+a \leftarrow лаъа$
т.ч.прош. вр. $лиъи \leftarrow лаъ-и^h$	-----
прош.очев. вр. $лиъира \leftarrow лаъ-и-ра$	$лайра \leftarrow л\bar{a}+и-ра$
прош. неопр. $лиъна \leftarrow лаъ-и-на$	$лайн-д \leftarrow л\bar{a}+и-над$
давнопрош. $лиъниёра \leftarrow лаъ-и-ниёра$	$лайндар \leftarrow л\bar{a}+и-надар$

В диалектах чеченского языка (шат., мел.), как и в ингушском, $\bar{a}+u$ даёт $ай$ ($\bar{a}+u \rightarrow ай$): инф. $л\bar{a}^h$ «хотеть, желать» $\leftarrow ла+a \leftarrow лаъа^h$; т.ч.прош. вр. $лай^h \leftarrow л\bar{a}-и^h$; прош.очев. вр. $лайра \leftarrow л\bar{a}+и-ра$; прош. неопр. $лайн \leftarrow л\bar{a}+и-на$; давнопрош. $лайнёра \leftarrow л\bar{a}+и-ниёра$.

В чеченском и ингушском языках имеются глаголы, в структуре которых при образовании первой группы времён наблюдается выпадение первого слога (показателя грамматического класса с последующим гласным): [таблица 9]:

Таблица 9

Первая группа времён

чеч. яз.	инг. яз.
инф. $д (й, б, в)-ала^h$ «дать»	$дала$
наст.вр. $луо \leftarrow ла+у$	$луо \leftarrow ла+у (лу)$
прош. несов. $лубра \leftarrow ла+у-ра$	$лубра \leftarrow ла+у-ра$
прич. н.вр. $лу^h \leftarrow ла+у^h$	$лу \leftarrow ла+у$
дееп. н.вр. $луш \leftarrow ла+у-ш$	$луш \leftarrow ла+у-ш$
инф. $дахъа^h$ «нести»	$дахъа$
наст.вр. $хъуо \leftarrow хъа+у$	$хъуо (хъу) \leftarrow хъа+у$
прош. несов. $хъубра \leftarrow хъа+у-ра$	$хъубра \leftarrow хъа+у-ра$
прич. н.вр. $хъуо^h \leftarrow хъа+у^h$	$хъу \leftarrow хъа+у$
дееп. н.вр. $хъуош \leftarrow хъа+у-ш$	$хъуш \leftarrow хъа+у-ш$

Если глагол *дала^h* используется в значении «умереть», то *a+e* даёт *ие* (*a+e→ие*) [таблица 10]:

Таблица 10

Первая группа времён

чеч. яз.	инг. яз.
инф. <i>дала^h</i> «умереть»	<i>дала</i>
наст.вр. <i>лие←ла+е</i>	<i>лие←ла+е</i>
прош. несов. <i>лиёра←ла+е-ра</i>	<i>лиер←ла+е-р</i>
прич. н.вр. <i>лие^h←ла+е^h</i>	<i>лие←ла+е</i>
дееп. н.вр. <i>лиеш←ла+е-ш</i>	<i>лиеш←ла+е-ш</i>

Вторая группа времён образуется, подчиняясь общему правилу образования временных форм: [таблица 11]:

Таблица 11

Вторая группа времён

чеч. яз.	инг. яз.
инф. <i>дала^h</i> «дать»	<i>дала</i>
т.ч.прош. вр. <i>дели^h←дал-и^h</i>	-----
прош.очев. вр. <i>делира←дал-и-ра</i>	<i>делар←дал-и-ра</i>
прош. неопр. <i>делла←дал-и-на</i>	<i>деннад←дал-и-на-д</i>
давнопрош. <i>деллиёра←дал-и-ниёра</i>	<i>денна-д-ар←дал-и-на-д-ар</i>
инф. <i>дахьа^h</i> «нести»	<i>дахьа</i>
т.ч.прош. вр. <i>дахьи^h←дахь-и^h</i>	-----
прош.очев. вр. <i>дахьира←дахь-и-ра</i>	<i>дахьар←дахь-и-р</i>
прош. неопр. <i>дахьна←дахь-и-на</i>	<i>дахьад←дахь-и-на-д</i>
давнопрош. <i>дахьниёра←дахь-и-ниёра</i>	<i>дахьа-д-ар←дахь-и-на-д-ар</i>

Таким образом, проведенный сравнительно-исторический анализ практического материала позволяет отметить, что при образовании временных форм от односложных глаголов в чеченском и ингушском языках, а также в диалектах чеченского в результате контактной ассимиляции (слияние гласных) образуются новые гласные – *краткие и долгие монофтонги и дифтонги*.

Список литературы

1. Арсаханов И. А. Чеченская диалектология. – Грозный, 1969. – С. 37.
2. Ахриева Р. И., Оздоева Ф. Г., Мальсагова Л. Д., Бекова П. Х. ХІанзара гІалгІай мотт. – Грозный, 1972. – С. 166.
3. Долакова Р. И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // Известия ЧИ НИИИЯЛ. Т. II. Вып. 2. Языкознание. – Грозный, 1961. – С. 29-30.
4. Мальсагов Д. Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. – Грозный, 1941. – С. 68-69.
5. Овхадов М. Р. Основные особенности орстхойского глагола // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню чеченского языка (29-30 апреля 2011г.). – Грозный, 2012. – С. 25-27.
6. Саламова Р. А. Нохчийн меттан фонетика. – Грозный, 1992. – С. 95.
7. Тимаев А. Д. Структура парносоотнесительных видовых форм глагола в нахских языках (генезис и архетип многократной формы глагола). // Studies in Caucasian Linguistics: Selected papers of the Eighth Caucasian Colloquium. – The Netherlands, 1999. – P. 140-151.
8. Тимаев А. Д. Чеченский язык. Фонетика. – Грозный, 2011. – С. 53-77.
9. Imnaishvili D. S. Имнайшвили Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. – Тбилиси, 1977. – С. 149.

Рецензенты:

Овхадов Муса Рукманович, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой общего языкознания, Чеченский государственный университет, г. Грозный.

Навразова Хава Бакуевна, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой чеченской филологии, Чеченский государственный педагогический институт, г. Грозный.